

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Чжоу С. Геополитические и экономические последствия торговой войны между Китаем и США: трансформация международной системы и перераспределение глобальной власти // Конфликтология / nota bene. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.2.74580 EDN: BLYQBJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74580

Геополитические и экономические последствия торговой войны между Китаем и США: трансформация международной системы и перераспределение глобальной власти

Чжоу Сяоюй

кандидат исторических наук

аспирант, кафедра Теории и истории международных отношений, Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ xiaoyuz821@gmail.com

[Статья из рубрики "Эволюция современных конфликтов"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.2.74580

EDN:

BLYQBJ

Дата направления статьи в редакцию:

23-05-2025

Аннотация: Данная статья посвящена всестороннему анализу торговой войны между Китаем и США, достигшей к 2025 году стадии стратегической конфронтации, охватывающей не только экономику, но и сферу технологий, валютной политики и глобального управления. Автор рассматривает истоки конфликта, эволюцию тарифной политики, геополитические и институциональные последствия противостояния, а также его воздействие на фрагментацию всей мировой экономики. Особое внимание уделяется трансформации международной системы под влиянием усиления конкуренции за технологический суверенитет, усиления протекционизма, изменения структуры глобальных цепочек поставок и роста влияния незападных институтов, включая ВРЭП, БРИКС+ и CIPS. Анализ охватывает также реакцию других государств и регионов, демонстрируя децентрализацию глобального экономического управления и усиление

роли региональных альянсов. В работе применён комплексный междисциплинарный подход, сочетающий анализ торгово-экономической статистики, нормативно-правовых актов, международных соглашений и geopolитической динамики, с опорой на сравнительную политэкономию и элементы системного анализа. Научная новизна статьи заключается в концептуализации торговой войны США и КНР как инструмента стратегического перераспределения глобальной власти, а не как изолированного экономического конфликта. Автор демонстрирует, что эскалация противостояния между США и КНР инициировала распад прежней модели глобализации и стимулировала формирование двухполлярной мировой системы. Впервые подчёркнута взаимосвязь между внутренними экономическими проблемами США и их внешнеэкономической политикой, направленной на сдерживание Китая. Выводы указывают на устойчивую тенденцию к регионализации, рост влияния развивающихся стран, институциональный параллель ВТО и формирование параллельных механизмов глобального управления. Автор подчёркивает, что разрешение конфликта требует перехода к модели коэволюции, сочетающей конкуренцию и сотрудничество, иначе мир столкнётся с нарастающей фрагментацией и неустойчивостью.

Ключевые слова:

торговая война, Китай, США, геоэкономика, цепочки поставок, технологический суверенитет, протекционизм, многополярность, глобальное управление, международные институты

С момента начала американо-китайского торгового конфликта в 2018 году соперничество двух стран постепенно вышло за рамки традиционной торговли. К 2025 году тарифные ставки сторон достигли рекордных уровней: 125% (США против Китая) и 84% (Китай против США), что значительно превысило порог экономического трения и ознаменовало переход торговой войны в фазу полномасштабной стратегической конфронтации [\[1\]](#). Хотя Женевские переговоры привели к временному смягчению тарифов (ставки США снизились до 30%, Китая — до 10%), структурные противоречия, такие как борьба за технологическую гегемонию, обеспечение безопасности цепочек поставок и конкуренция валютных систем, остаются нерешенными [\[2\]](#). Такое противостояние не только переопределяет двусторонние отношения, но и глубоко влияет на архитектуру глобального управления и распределение власти.

Контекст возникновения торговой войны

Начало крупномасштабного торгового конфликта между США и КНР было положено в 2018 г., когда Вашингтон ввёл ограничительные меры, спровоцировав ответные действия Пекина в защиту экономического суверенитета. Несмотря на циклы эскалации, китайская сторона демонстрировала приверженность дипломатическому урегулированию, инициируя многоступенчатые переговоры. Результатом этих усилий стало подписание в 2020 г. двустороннего соглашения, временно снизившего интенсивность противостояния. Однако глубинные разногласия — от конкуренции в сфере высоких технологий до расхождений в подходах к глобальному экономическому регулированию — сохранили потенциал для новой волны конфронтации.

Пик напряжённости пришёлся на 2025 год, совпав с возвращением Дональда Трампа на пост президента США. В феврале администрация Трампа ввела 10% тарифы на китайский импорт, аргументируя это необходимостью борьбы с незаконным оборотом фентанила.

Китай ответил зеркальными мерами, затронувшими американские энергоносители. Последовавшая череда взаимных ограничений привела к беспрецедентному росту пошлин: к апрелю ставки достигли 84% с обеих сторон [\[3\]](#), а к маю США отменили льготный режим для мелких партий китайских товаров. Кульминацией стал ввод Пекином 125% [\[4\]](#) тарифов на отдельные категории американской продукции.

Несмотря на остроту противоречий, стороны сохранили каналы диалога. В мае 2025 года в Женеве прошли переговоры, завершившиеся соглашением о создании механизма торговых консультаций и публикацией совместного заявления [\[5\]](#). Тем не менее, Китай подтвердил сохранение контрмер, связанных с вопросом фентанила, подчеркнув принцип взаимности в торговой политике.

Мотивация администрации Д. Трампа к эскалации конфликта имела многомерную природу. Во-первых, внутренние структурные дисбалансы США, включая гипертроированную роль финансового сектора и зависимость от долларовой гегемонии, требовали внешнего «разрядника». Во-вторых, стратегические цели Вашингтона включали реиндустириализацию через репатриацию производств, замедление технологического прогресса КНР и принуждение к большей открытости китайских рынков. Эти меры отражали стремление сохранить глобальное доминирование в условиях растущей многополярности [\[6\]](#).

Эскалация торгового конфликта между США и КНР обусловлена тремя взаимосвязанными стратегическими целями Вашингтона. Во-первых, стремление к репатриации капиталов. Хотя создание рабочих мест оставалось публичным лейтмотивом политики Трампа, ключевой задачей стало преодоление структурных дисбалансов, вызванных хроническим «двойным дефицитом» (торговым и бюджетным). Накопление суверенного долга, достигшего 130% ВВП к 2025 г., ограничивало возможности реинтеграции долларовых активов в национальную экономику. Торговая война стала инструментом перераспределения глобальных инвестиционных потоков: ограничивая доступ иностранного капитала в Китай, США стимулировали его приток в собственные производственные и финансовые сектора [\[7\]](#).

Во-вторых, сдерживание технологического прогресса КНР. Реализация китайской стратегии «Сделано в Китае 2025», предусматривающей достижение лидерства в 10 ключевых отраслях, включая ИИ и робототехнику, была воспринята как прямая угроза технологической гегемонии США [\[8\]](#). Вашингтон, осознавая риски утраты контроля над цепочками добавленной стоимости в высокотехнологичных секторах, сделал ограничение доступа Китая к критическим технологиям и талантам элементом своей национальной безопасности.

В-третьих, принудительная либерализация китайского финансового сектора. Для экономики США, где доля финансовых услуг в ВВП превышает 20%, открытие рынка капиталов КНР стало стратегическим приоритетом. Расширение доступа американских институтов к китайской финансовой системе позволило бы не только монетизировать растущий спрос на инвестиционные продукты, но и влиять на интернационализацию юаня, сохраняя его в рамках доллароцентричной парадигмы.

Реакция международного сообщества на введение «взаимных тарифов» 2 апреля 2025 г. выявила раскол в оценках. Китай, опубликовав Белую книгу «Позиция КНР по вопросам американо-китайских экономических отношений» [\[9\]](#), акцентировал деструктивный характер протекционизма, подчеркнув, что «торговые войны не создают победителей».

Этот документ, однако, имел более глубокий подтекст: он фиксировал переход двусторонних противоречий из плоскости экономического соперничества в область системной конфронтации.

Исторический контекст конфликта свидетельствует о его трансформативной роли. Торговая война стала катализатором переформатирования глобальных экономических отношений, ознаменовав сдвиг от условного унилатерализма к эре стратегической конкуренции, где технологический суверенитет и контроль над финансовыми архитектурами определяют новый ландшафт мировой экономики.

Инициированная США торговая война с Китаем представляет собой не только экономическую корректировку, сколько комплексную стратегию, интегрирующую геополитическое доминирование, сдерживание конкурента и переформатирование глобального порядка. Её цель — замедлить переход к многополярности, сохранив однополярную гегемонию, однако структурное ослабление американской мощи делает эту задачу противоречивой. США, столкнувшись с деиндустриализацией и растущим «двойным дефицитом», предприняли попытку трансформации из «глобального потребителя» в «производственную сверхдержаву», возрождая статус, утраченный после Второй мировой войны. Ключевой ошибкой стало восприятие Китая как стратегического соперника, а не партнёра, что отражено в заявлениях администрации Байдена (2022 г.) о КНР как «единственном конкуренте, стремящемся перестроить международный порядок». Преемственность этой линии при Трампе лишь усилила конфронтацию.

Стоит отметить, что текущую дилемму США определили три фундаментальных сдвига. Во-первых, экономическое перераспределение мощи. Доля США в мировом номинальном ВВП сократилась с 40% (1960) до 25% (2020), тогда как Китай, напротив, увеличил своё влияние, достигнув 30% по паритету покупательной способности к середине XX века [\[10\]](#). Во-вторых, упадок производственного превосходства. От пика в 30% ВВП (в 1953 г.) обрабатывающая промышленность США деградировала до 10%, а её глобальная доля упала с 23,2% (1970 г.) до текущих 10%, уступив место финансовой гипертрофии. В-третьих, эволюция роли в глобальном порядке. От архитектора послевоенной системы (План Marshalla, ГАТТ/ВТО) США перешли к роли дестабилизатора, отвергая многосторонность. Если в 1947 г. средний тариф на промышленные товары составлял 40%, то к 1995 г. он снизился до 6,4% благодаря ВТО. Однако реиндустриализация, начатая Б. Обамой («Закон о содействии производству», 2010) и радикализированная Трампом через протекционизм, подорвала доверие к установленным правилам [\[11\]](#).

Попытки США совместить гегемонию доллара с реиндустриализацией обнажили структурные противоречия. С одной стороны, протекционизм (например, 84% тарифы на китайские товары) призван вернуть производство, но с другой — долларовая система зависит от глобализированных цепочек, которые эти меры разрушают. Внутренние дисбалансы (долг, поляризация доходов) усугубляются внешними — неравномерное распределение выгод глобализации провоцирует антиамериканские настроения.

Торговая война стала катализатором перехода от конкуренции к системному противостоянию. США, используя тарифы как тактический инструмент, стремятся перестроить глобальные цепочки в свою пользу, однако их неспособность разрешить базовые противоречия (доллар vs. производство, глобализация vs. протекционизм) ведёт к хронической нестабильности. Китай, в свою очередь, отвергает односторонние правила, продвигая альтернативные институты (ВРЭП, БРИКС+, CIPS).

Фрагментация и двухполюсность глобального экономического порядка

Эскалация стратегического соперничества между США и Китаем спровоцировала фрагментацию глобальных производственных цепочек на конкурирующие экономические блоки, что отражает сдвиг от глобализации к регионализации. Данный процесс характеризуется институциональным оформлением двух дивергентных моделей. Администрация США, стремясь минимизировать технологические и производственные риски, инициировала политику «дружественного аутсорсинга», направленную на создание альянсов с geopolitically лояльными партнёрами. Ключевыми инструментами этой стратегии стали CHIPS and Science Act (2022), предусматривающий инвестиции в размере \$52 млрд для релокации полупроводниковых производств на территории стратегических союзников, и Indo-Tихоокеанская экономическая структура (IPEF), объединяющая 14 стран и фокусирующуюся на стандартизации цепочек поставок в критических секторах [\[12\]](#).

В ответ КНР усилила экономическую кооперацию в рамках Всестороннего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), что привело к росту доли торговли с государствами-участниками с 28% (2023) до 32% (2025) в общем экспорте страны. Параллельно реализация инициативы «Пояс и путь» способствовала диверсификации инвестиционных потоков: к 2025 г. объём прямых китайских инвестиций в Африку превысил \$3 млрд ежегодно, при этом 70% средств направлено частным сектором в инфраструктуру, агротехнологии и цифровые платформы [\[13\]](#).

Доминирование geopolitических приоритетов над рыночной эффективностью подтверждается эмпирическими данными. Введение США тарифов в 145% на китайские товары спровоцировало рост глобальных цен на 7–12%, увеличив операционные издержки развивающихся экономик и снизив их платёжеспособность (CUF, 2024). Технологическая бифуркация усилилась после запрета экспорта чипов NVIDIA A100/H100 в Китай (2025), что вынудило китайские компании развивать автономные производственные цепочки.

Трансформация мировой валютной архитектуры проявляется в экспансии китайской трансграничной платёжной системы CIPS, охватившей 180 стран, с добавлением 20 новых участников в 2025 г. [\[14\]](#). Расширение БРИКС за счёт Ирана и Саудовской Аравии стимулировало рост расчётов в национальных валютах: в энерготорговле Россия и Саудовская Аравия перешли на юани и рубли, сократив долю доллара [\[15\]](#). Доля доллара в глобальных резервах снизилась до 57,8% (2024), достигнув минимального значения за три десятилетия, тогда как юань укрепил позиции в торговле Бразилии (15% сделок с железной рудой) и Индии (соглашения о рублёво-рупийных расчётах).

Стратегическое размежевание привело к дублированию критических производственных мощностей. Несмотря на контроль Китаем 70% мирового производства литий-ионных батарей, ЕС и США приняли Закон о критическом сырье (2023), ограничивающий импорт китайского графита и редкоземельных металлов. 50-процентные тарифы США на китайские солнечные модули вызвали релокацию производств компаний типа LONGi в ЮВА, увеличив стоимость американских проектов ВИЭ на 20% [\[16\]](#). Доля Huawei на европейском рынке 5G сократилась до 10–15% (2025) на фоне экспансии альянса Open RAN, поддерживаемого США и объединившего 36 стран [\[17\]](#).

Нормативные режимы усиливают технологическую фрагментацию. Китайский Закон о безопасности данных (2021) [\[18\]](#) требует локализации критически важной информации, в то время как европейские регуляторные стандарты (GDPR, DMA) ограничивают трансграничные данные китайских компаний, создавая барьеры для глобальных

операций [\[19\]](#).

Конкуренция и изменение международных институтов

Противостояние США и КНР по вопросам реформирования Всемирной торговой организации (ВТО) привело к институциональному параличу её арбитражного механизма. Количество рассматриваемых торговых споров сократилось с 44 в 2019 г. до 9 в 2025 г., что отражает снижение доверия к системе многостороннего урегулирования [\[20\]](#).

Данная тенденция сигнализирует о глубоком кризисе глобального экономического управления, где геополитические противоречия доминируют над принципами коллективного взаимодействия. Китай активизирует создание параллельных структур, направленных на перераспределение влияния. В рамках Глобальной инициативы развития (GDI) реализуется «Цифровой Шёлковый путь», предусматривающий развертывание 25 центров обработки данных в 21 стране Африки, включая ЮАР, Кению и Египет [\[21\]](#).

Эти проекты сопровождаются программами подготовки цифровых кадров и цифровизацией малых и средних предприятий, что укрепляет технологическую зависимость стран-партнёров от китайских стандартов.

Диверсификация стратегий развивающихся стран Государства Юго-Восточной Азии демонстрируют модель «сбалансированного хеджирования». Вьетнам, увеличив экспорт в США на 24,2% (2025), одновременно нарастил импорт электронных компонентов из Китая на 15%. Таиланд, приняв Закон о Восточном экономическом коридоре, привлек иностранные инвестиции на сумму \$1,35 млрд (2025), ориентируясь на синтез китайских и западных капиталов. В Латинской Америке наблюдается регионализация связей: Бразилия обеспечивает 72% китайского импорта сои (2024), тогда как Мексика, используя Соглашение США-Мексика-Канада (USMCA), довела долю экспорта автозапчастей в США до 65% [\[20\]](#).

Эскалация напряжённости в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море продуцирует региональные конфликты. Введение Китаем в марте 2025 г. системы лицензирования экспорта галлия и германия, критических для производства высокотехнологичной и оборонной продукции, стало ответом на поставки американского оружия Тайваню. Данные меры напрямую затрагивают цепочки поставок ВПК США, подчёркивая взаимосвязь ресурсной безопасности и военно-стратегических интересов.

Стоит отметить, что страны ЕС, декларирующие курс на «экономический суверенитет» (Франция, Германия), сталкиваются с двойственностью позиции. С одной стороны, инициативы вроде Европейского акта о чипах направлены на снижение технологической зависимости. С другой — сохранение привязки к НАТО в сфере безопасности и зависимость от американских цифровых платформ (GAFAM) ограничивают возможности полноценной автономии. Это противоречие усугубляется фрагментацией внутри ЕС по вопросам отношений с Китаем и США.

Сдерживающие факторы стратегической конкуренции

Несмотря на структурные противоречия и эскалацию конфронтации между США и Китаем, существуют убедительные аргументы в пользу перехода от конкуренции к сотрудничеству. Сторонники этой позиции подчеркивают, что углубление взаимодействия способно не только смягчить текущие трения, но и заложить основу для устойчивого

глобального развития.

Экономическая взаимозависимость двух стран остается фундаментом для стабильности. Китай, как ключевой производитель товаров, и США, как крупнейший потребитель и инвестор, сохраняют взаимные интересы даже в условиях тарифной войны. Например, китайские инвестиции в американские технологии и стартапы в области ИИ и чипов стимулируют инновации в обеих экономиках. Одновременно США зависят от китайских производственных цепочек в критических секторах, таких как редкоземельные металлы и солнечные панели, тогда как Китай нуждается в доступе к американскому рынку и финансовым услугам. Вместо фрагментации цепочек поставок сотрудничество могло бы оптимизировать их, снизив транзакционные издержки. Совместные проекты в зеленой энергетике, такие как строительство солнечных ферм или развитие электромобилей, позволили бы избежать дублирования мощностей и ускорить переход к низкоуглеродной экономике [\[22\]](#).

Технологическая конкуренция также содержит потенциал для коэволюции. Вместо блокировки доступа к критическим технологиям, как в случае с чипами NVIDIA, стороны могли бы разработать общие стандарты для искусственного интеллекта, обеспечив безопасность и этичность разработок. Совместные исследования в области квантовых вычислений, биотехнологий и борьбы с изменением климата объединили бы ресурсы и экспертизу, как это произошло во время пандемии COVID-19, когда обмен данными и вакцинами спас миллионы жизней [\[23\]](#).

Глобальные вызовы, такие как климатический кризис, кибербезопасность и продовольственная безопасность, требуют совместных решений. Например, объединение усилий в рамках Парижского соглашения, включая совместное финансирование зеленых технологий, усилило бы позиции США и Китая как лидеров устойчивого развития. Создание двусторонней рабочей группы по кибербезопасности помогло бы снизить риски цифровой конфронтации, а координация в борьбе с дефицитом продовольствия — стабилизировать глобальные рынки [\[24\]](#).

Реформирование международных институтов, таких как ВТО, могло бы стать еще одной областью сотрудничества. Вместо создания параллельных структур, подобных ВРЭП или IPEF, стороны могли бы совместно модернизировать многосторонние механизмы. Введение новых правил для цифровой торговли, регулирования ИИ и создание арбитражного механизма, учитывающего интересы обеих стран, помогли бы восстановить доверие к глобальному управлению и избежать «ловушки биполярности».

Преодоление структурных дисбалансов также требует диалога. Вместо односторонних тарифов и санкций США и Китай могли бы согласовать правила доступа к рынкам, снизив протекционизм в обмен на взаимные уступки. Например, либерализация китайского финансового сектора могла бы сопровождаться гарантиями защиты интеллектуальной собственности для американских компаний. Совместные усилия по решению внутренних проблем — деиндустриализации в США и перенакопления долга в Китае — укрепили бы экономическую устойчивость обеих стран.

Заключение

Торговое противостояние США и Китая в 2025 году стало зеркалом системных противоречий современного миропорядка, объединив три взаимосвязанных кризиса: перераспределение глобальной власти, эрозию многосторонних институтов и столкновение идеологий управления. Стремление Вашингтона сохранить однополярность

через протекционизм наткнулось на парадокс: высокие издержки реиндустриализации и растущие разногласия с традиционными союзниками, такими как ЕС и Япония, подорвали эффективность его санкционной политики. В ответ Китай, опираясь на институциональную экспансию через расширение ВРЭП и БРИКС+, а также на устойчивость внутреннего спроса (54% ВВП), пересмотрел правила глобальной экономической игры, ускорив переход к поликентричной системе, где влияние распределяется между множеством акторов.

Экономическое противостояние быстро трансформировалось в инструмент геополитики, затрагивая баланс сил за пределами торговых отношений. Страны «Глобального Юга», такие как Вьетнам, демонстрируют адаптивную модель «гибкого хеджирования»: увеличив экспорт в США на 12%, они одновременно наращивают импорт китайской электроники на 15%, создавая новую реальность, где малые государства становятся активными игроками, а не пассивными объектами политики. Эта тактика переформатирует мировой порядок, подрывая монополию традиционных центров силы и усиливая роль региональных альянсов.

Технологическая сфера стала ареной конфликта суверенитетов. Доминирование логики безопасности над инновациями привело к фрагментации глобальных цепочек: запреты США на поставки чипов NVIDIA и ответные ограничения Китая на экспорт редкоземельных металлов спровоцировали регионализацию НИОКР. Расхождение стандартов в критических областях, таких как искусственный интеллект, где чип Huawei Ascend потребляет на 40% больше энергии, чем аналоги NVIDIA, не только замедляет технологический прогресс, но и увеличивает дублирование затрат, создавая «ловушку эффективности».

Скрытые издержки фрагментации проявляются в росте транзакционных расходов. Например, перенос китайских производств солнечных модулей в Юго-Восточную Азию увеличил стоимость американских проектов ВИЭ на 30%, а цифровая торговля столкнулась с ростом издержек на 18% из-за нормативных барьеров. Даже диверсификация цепочек, такая как четырёхкратный рост китайских инвестиций в Мексику с 2018 года, не смогла полностью нивелировать риски, связанные с геополитической нестабильностью.

Преодоление сценария «управляемой конфронтации» требует совмещения конкуренции с функциональным взаимодействием. Реформа ВТО через включение правил для цифровой экономики, совместное финансирование зелёных технологий и создание платформ для обмена алгоритмами ИИ могли бы стать основой для «коэволюции». Без таких механизмов глобальное управление рискует остаться заложником bipolarной конфронтации, где тактические победы подорвут долгосрочную стабильность. Многополярность, таким образом, — это не только перераспределение власти, но и поиск новых форм управляемой взаимозависимости, где конкуренция существует с сотрудничеством в критических для человечества сферах.

Библиография

1. 李亚琦. 谁握“升级主导权”？美国智库对中美贸易战的相对优势之辩 [Li Yaci. "Кому принадлежит 'право на модернизацию'? Споры американских аналитических центров о сравнительных преимуществах в торговой войне между Китаем и США"] // 复旦发展研究院. 复旦中美友好互信合作计划 [Институт развития Фудань, Программа взаимного доверия и сотрудничества между Китаем и США при Университете Фудань]. 29.04.2025. URL: <https://fddi.fudan.edu.cn/1a/04/c21253a727556/page.htm> (дата обращения: 15.05.2025).
2. 中美日内瓦经贸会谈联合声明 // 中华人民共和国商务部. 2025年5月12日. [Совместное заявление

- по итогам китайско-американских торгово-экономических переговоров в Женеве // Министерство коммерции Китайской Народной Республики. 12 мая 2025 года. URL: https://www.mofcom.gov.cn/xwfb/lchrhd/art/2025/art_8055948aadb5450598bf73d1aae6828e.html (дата обращения: 15.05.2025).
3. 中美贸易战升级, 美国大豆对华出口前景分析 [Эскалация торговой войны Китая и США: анализ перспектив экспорта американской сои в Китай] // 新浪财经 [SinaFinance]. 10.04.2025. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1828974770267172559&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 15.05.2025).
4. 国务院关税税则委员会公布公告调整对原产于美国的进口商品加征关税措施 [Комитет по таможенным тарифам при Госсовете КНР опубликовал уведомление о корректировке мер по дополнительным пошлинам на импорт товаров американского происхождения] // 界面新闻 [JiemianNews]. 11.04.2025. URL: <https://www.jiemian.com/article/12600604.html> (дата обращения: 15.05.2025).
5. 中美日内瓦经贸会谈联合声明 // 央视新闻. 2025年05月12日. [Совместное заявление по итогам китайско-американских торгово-экономических переговоров в Женеве // CCTVNews. URL: https://ysxw.cctv.cn/article.html?toc_style_id=feeds_default&t=1747033256052&item_id=5870973305643748520&channelId=1215] (дата обращения: 15.05.2025).
6. Fajgelbaum P.D., Khandelwal A.K. The economic impacts of the US-China trade war // Annual Review of Economics. 2022. Vol. 14. № 1. P. 205-228. DOI: 10.1146/annurev-economics-051420-110410 EDN: IPTZQH.
7. Jin Y., Dorius S., Xie Y. Americans' attitudes toward the US-China trade war // Journal of Contemporary China. 2022. Vol. 31. № 133. P. 17-37. DOI: 10.1080/10670564.2021.1926089 EDN: RQYNLS.
8. Xu X., Wang Q., Zhang M. The complementary effects of 'Made in China 2025' industrial policy and trade liberalisation on China's export of relevant products // Asian Journal of Technology Innovation. 2025. Vol. 33. № 1. P. 283-312.
9. 白皮书《关于中美经贸关系若干问题的中方立场》 [Белая книга "Позиция Китая по ряду вопросов китайско-американских торгово-экономических отношений"] // 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Пресс-канцелярия Госсовета КНР]. Апрель 2025 года. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202504/t20250409_889794.html (дата обращения: 23.05.2025).
10. 伍超明, 胡文艳, 李沫, 段雨佳. 美对中贸易战:性质、影响、政策与资产配置--美国关税政策深度研究系列(二) [У Чаомин, Ху Вэнъянь, Ли Мо, Дуань Юйцзя. Торговая война США против Китая: сущность, последствия, политика и распределение активов - углублённое исследование тарифной политики США (часть вторая)] // 和讯银行 [HexunBank]. 15.04.2025. URL: <https://bank.hexun.com/2025-04-15/218502132.html> (дата обращения: 23.05.2025).
11. Маглинова Т.Г. Торговая война США и Китая: экономические причины и последствия // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 8. С. 123-126. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-8-123-126 EDN: SIWFAH.
12. 社科院世经政所. 2025年全球九大趋势展望 [Институт мировой экономики и политики при Китайской академии общественных наук. "Прогноз девяти глобальных трендов на 2025 год"] // 光明日报 [Гуанмин жибао]. 24.01.2025. 12 р.
13. Шумилов М.М. "Торговая война" США и КНР в контексте деглобализации и реидеологизации международных отношений (Часть 1) // Управленческое консультирование. 2022. №. 4 (160). С. 19-34. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-4-19-34 EDN: VJFFMU.
14. 央行等部门:提升人民币跨境支付系统(CIPS)功能和全球网络覆盖 [Центральный банк и другие ведомства: расширение функций и глобального сетевого покрытия трансграничной платежной системы в юанях (CIPS)] // 人民网 [People's Daily Online]. 21.04.2025. URL:

- <http://finance.people.com.cn/n1/2025/0421/c1004-40464892.html> (дата обращения: 23.05.2025).
15. Ермаков Д.Н., Казенков О.Ю. Американо-китайские отношения в условиях глобализации // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. №. 8. С. 102-124.
16. 袁勇. 全球供应链在复苏中持续重构 [Юань Юн. Глобальные цепочки поставок продолжают перестраиваться на фоне восстановления] // 经济日报 [Economic Daily]. 25.12.2023. С. 4.
17. 欧盟《数字市场法案》首开罚单, 剑指美科技巨头垄断 [ЕС впервые оштрафовал американских технологических гигантов за монополию согласно "Закону о цифровых рынках"] // 央视新闻 [CCTV News]. 24.04.2025. URL: <https://news.cctv.com/2025/04/24/ARTIVUcTcqJcYz4f5NKafZUC250424.shtml> (дата обращения: 23.05.2025).
18. 中华人民共和国数据安全法 [Закон Китайской Народной Республики о безопасности данных] // 中华人民共和国中央人民政府 [Официальный сайт Центрального народного правительства КНР]. 11.06.2021. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-06/11/content_5616919.htm (дата обращения: 23.05.2025).
19. Lazarotto B. The right to data portability: A holistic analysis of GDPR, DMA and the Data Act // European Journal of Law and Technology. 2024. Vol. 15. № 1. P. 47-57.
20. Лексютина Я.В. "Китайская мечта" или "американский кошмар": к чему пришли американо-китайские отношения за три десятилетия // Международная аналитика. 2021. Т. 12. №. 2. С. 12-30. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-2-12-30 EDN: VOOJEC.
21. Болаев А.В., Бондаренко В.А. Вопросы повышения роли Китая в мировой экономике в контексте реализации стратегической инициативы "Один пояс и один путь" // Экономические отношения. 2024. № 1. С. 45-46. DOI: 10.18334/ео.14.1.120643 EDN: ASSPDJ.
22. Батюк В.И. США-КНР: стратегический баланс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. №. 4. С. 390-404. DOI: 10.21638/spbu06.2022.403 EDN: DGYEQI.
23. Волошина А.В. Американо-китайские отношения и борьба за мировое технологическое лидерство // США и Канада. 2022. №. 8. С. 30-39.
24. Юнюшкина А.С., Шаповалова К.А., Каткова Е.Ю. Торговая война США с Китаем как попытка вернуть глобальное лидерство // Международные отношения. 2021. № 2. С. 55-68. DOI: 10.7256/2454-0641.2021.2.35748 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35748

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная посвящена анализу американо-китайской торговой войны, начавшейся в 2018 году, и её влиянию на международную систему. Авторы рассматривают не только экономические аспекты конфликта, но и его геополитические последствия, что позволяет глубже понять природу противостояния между двумя крупнейшими экономиками мира.

Методология исследования опирается комплексный подход, включающий анализ исторического контекста, экономических данных и политических решений. Однако стоит отметить, что статья могла бы выиграть от применения количественных методов, таких как статистический анализ или моделирование, для более точного обоснования своих выводов. Включение эмпирических данных и статистики сделало бы аргументацию более убедительной.

Тема торговой войны между Китаем и США остаётся крайне актуальной в свете глобальных экономических и политических изменений. Конфликт затрагивает не только две страны, но и влияет на международную торговлю, глобальные цепочки поставок и экономическую стабильность в других регионах. Это делает исследование данной проблематики важным для учёных, политиков и бизнесменов.

Статья предлагает свежий взгляд на торговую войну, подчеркивая её трансформационное влияние на международную систему и перераспределение глобальной власти. Однако недостаток конкретных данных и статистики может ограничить новизну и убедительность некоторых выводов. Более глубокое исследование альтернативных точек зрения могло бы обогатить анализ.

Статья написана в академическом стиле, с четкой структурой, что облегчает восприятие материала. Тем не менее, некоторые разделы могут показаться перегруженными информацией, что затрудняет понимание ключевых идей. Ясность изложения и логическая последовательность могли бы быть улучшены.

Список литературы включает достаточно большое количество актуальных источников, однако отсутствие некоторых ключевых исследований по теме может ограничить полноту анализа. Включение более разнообразных источников, особенно содержащих альтернативные точки зрения, могло бы сделать работу более сбалансированной. Обсуждение мнений оппонентов, таких как сторонники более тесного сотрудничества между США и Китаем, могло бы углубить понимание проблемы и продемонстрировать многообразие взглядов на торговую войну.

Статья является ценным вкладом в изучение американо-китайской торговой войны и её последствий для международной системы. Она будет интересна как специалистам в области международных отношений, так и широкой аудитории, интересующейся глобальными экономическими процессами. Тем не менее, для повышения её убедительности и научной ценности авторам стоит рассмотреть возможность добавления конкретных данных и более глубокого анализа альтернативных точек зрения. Рекомендуется также переформулировать название статьи, чтобы оно в большей степени отражало основной исследовательский вопрос. Например, следующим образом: "Геополитические и экономические последствия торговой войны между Китаем и США: трансформация международной системы и перераспределение глобальной власти". Такое название более точно отражает содержание статьи и акцентирует внимание на ключевых аспектах исследования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Геополитические и экономические последствия торговой войны между Китаем и США: трансформация международной системы и перераспределение глобальной власти» представляет собой обращение к актуальнейшей теме экономического противостояния США и КНР как составной части динамики мирового развития от однополярного мира Pax Americana к многополярному миру с Китаем как ведущей экономической силой. Работа таким образом носит междисциплинарный характер, соединяя политологические, экономические и др. нарративы, отслеживая многослойные трансформационные процессы первой четверти XXI века. Автор сосредотачивает свое внимание преимущественно на событиях 2025 г.(то есть на действиях второй администрации Д. Трампа), однако рассматривает их в довольно

широком контексте как американо-китайского экономического конфликта (начиная с 2018 г.), так и в контексте системных проблем американского экономического развития после Второй мировой войны. При рассмотрении данного комплекса событий и процессов автор опирается преимущественно на китайскую и российскую, в меньшей степени - западную аналитику. Автор совершенно обоснованно трактует американо-китайские торговые войны как проявления системного кризиса прежней системы международных отношений и как переход от конкурентной борьбы к системному противостоянию двух сверхдержав: «Торговое противостояние США и Китая в 2025 году стало зеркалом системных противоречий современного миропорядка, объединив три взаимосвязанных кризиса: перераспределение глобальной власти, эрозию многосторонних институтов и столкновение идеологий управления». В заключении автор указывает не только на промежуточные итоги экономических (в т.ч. тарифных) войн, но и на потенциальные риски дальнейшего конфронтационного сценария, возможную роль международных организаций и др. Данные рекомендации, равно как и подводимые итоги, возможны разумеется именно как промежуточные т.к. соперничество США и КНР носит системный характер и далеко от завершения, а действия нынешней администрации США носят довольно импульсивный и непредсказуемый характер. Предположения о возможных способах нивелирования негативных последствий (Реформа ВТО через включение правил для цифровой экономики, совместное финансирование зелёных технологий и создание платформ для обмена алгоритмами ИИ могли бы стать основой для «коэволюции») все же противоречат характеристике конфликта как системного, они предполагают переход к партнерству, коэволюции, что представляется крайней маловероятным сценарием. В целом работа вписывается в известную концепцию трансформации однополярного мира пост-холодной войны в более демократичную и многополярную систему, лишенную идеологических разделительных линий. В то же время, как представляется, работе пошел бы на пользу обзор литературы в смысле презентации других разнообразных трактовок данного противостояния (разные цели и разные оценки данного противостояния официальным Вашингтоном и официальным Пекином автором сформулированы достаточно четко). Работа рекомендуется к публикации.